

СИНТЕЗ ЛИРИЧЕСКОГО И ЭПИЧЕСКОГО В ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (В.В. ИВАНОВ «ДНЕВНИКИ», А.Т. ТВАРДОВСКИЙ «Я В СВОЮ ХОДИЛ АТАКУ. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. 1941–1945»)

А.М. Маркус

SYNTHESIS OF THE LYRIC AND EPIC IN THE DIARY PROSE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (V.V. IVANOV «DIARIES», A.T. TVARDOVSKIY «I WENT TO MY ATTACK. DIARIES. LETTERS. 1941–1945»)

A.M. Markus

Рассматриваются специфические черты поэтики дневниковой прозы писателей, осмысливается амбивалентная структура военного дневника, синтезирующая в себе два повествовательных начала – документального и художественного, затрагивается композиция дневников военного времени.

Ключевые слова: черты поэтики, дневниковая проза, лиричность, эпичность, исповедальность.

In the present article specific characteristics of the diary prose poetics are considered. The author examines ambivalent structure of war diary synthesizing two types of narrative technique – documental and artistic ones, and touches upon the composition of the diaries of those times.

Keywords: poetics features, diary prose, lyricism, epic element, confessionality.

Возникновение феномена, определяемого понятием «дневник писателя», относится литературоведением к XIX–XX векам. При этом под дневником писателя понимается определенный тип текста, проявляющийся в наличии подневных записей, где присутствуют все признаки дневниковой прозы: линейно-фрагментарный тип повествования, внешним маркером которого выступает датировка, фиксирующая периодичность записей. Авторы ссылаются на документы, письма; вводят элементы беседы, включают в пространство текста диалог, внутренние размышления; значительное внимание при этом уделяется описанию событий. Концепция и внешняя структура дневника в полной мере подчиняется авторской идее.

Тоталитарный режим с его гонениями, репрессиями повлиял на снижение популярности жанра. Дневники писались со страхом, только для себя, для будущего, но не синхронного их прочтения. Во время Великой Отечественной войны вести дневники было запрещено, но смелые духом все

же находились: несмотря на тяготы люди, живущие сердцем и душой, считали необходимым описать все пережитое и выстраданное. Проанализировав творческую деятельность писателей-фронтовиков, можно отметить, что к дневниковой прозе тяготели такие писатели, как К.М. Симонов, В.В. Вишневский, А.Я. Яшин, В.В. Иванов и А.Т. Твардовский. В данной статье мы акцентируем свое внимание на соотношении лирического и эпического в дневниках В.В. Иванова «Дневники» и А.Т. Твардовского «Я в свою ходил атаку. Дневники. Письма. 1941–1945».

Следует отметить то, что дневники представляют собой самостоятельный жанр со своими типологическими признаками, разнообразие существующих в теории литературы классификаций способствует четкому разграничению самих дневников. В современном литературоведении акцентируется синтетический характер данного жанра: исследователи пытаются осмыслить дневники не только как исторический документ, но еще и как

Маркус Анна Михайловна, преподаватель кафедры английского языка, аспирант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е.В. Пономарева. E-mail: AnneMarks@rambler.ru

Anna M. Markus, lecturer of the Department of the English Language, post-graduate of the Department of the Russian Language and Literature South Ural State University (Chelyabinsk). Scientific advisor – Doctor of Philology, professor E.V. Ponomaryova. E-mail: AnneMarks@rambler.ru

самостоятельное произведение со свойственным ему соотношением документального и художественного.

Мы вслед за Ю.В. Булдаковой выявили специфические черты поэтики дневниковой прозы писателей, одной из которых являются непосредственная составляющая синтеза лирического и эпического [2, с. 10] начал (при этом автор дневника оперирует индивидуальными художественно-выразительными средствами языка), эстетическая организованность. По мнению Г.А. Волгина, несмотря на тот факт, что писатели ведут дневники для себя, произведения требуют от создателей художественного мастерства: дневникам свойственен особый стиль изложения, характеризующийся емкостью мысли, афористичностью высказывания, меткостью слова. Такие особенности дневниковой прозы позволяют исследователю назвать дневники писателя «самостоятельными микропроизведениями» [3].

Говоря о других особенностях жанрово-стилистической организации дневниковой прозы, исследователи отмечают наличие субъективно маркированного хронотопа, с помощью которого писатель моделирует художественный мир. В этой связи следует процитировать К.Р. Кобрину, отмечавшего, что человек, ведущий дневник, не знает, что его ожидает за поворотом, идя наугад. Исследователь отмечает наличие «поступательной динамики» [6, с. 293], в которой находят себе место и случайности и непроверенные события.

Неотъемлемой чертой дневниковой прозы являются исправления. Исследователь А.В. Никандрова объясняет эту особенность эффектом «беловика» [8, с. 210]: то, что пишется спонтанно, являясь произвольно-творческим процессом отображения реальности, воспринимается как итоговый вариант написанного. Характеристика была бы неполной без указания другой специфической черты, акцентируемой исследователем С.В. Рудзиевской: двойственность дневниковой прозы подчеркивает амбивалентную структуру дневника писателя, синтезирующую в себе два повествовательных начала – документального и художественного. В дневниковой прозе сосуществует монтажные структуры. Они представляют собой, по словам С.В. Рудзиевской, «ассоциативные сложившиеся ряды номинативных предложений» [9, с. 15], передающие запечатленные образы одного дня. Безусловно, необходимо указать также на исповедальность и установку на создание эффекта подлинности событий в дневниковой прозе. Эмоциональное воздействие в дневниках достигается автором путем отбора специфических фактов, авторского комментирования, субъективной интерпретации событий. В основе дневника лежит передача и воссоздание реального путем личных представлений автора, причем эмоциональный фон зависит от душевного состояния автора дневника.

Наряду с обязательными структурными компонентами дневниковой прозы, конкретные худо-

жественные образцы могут содержать в себе специфические механизмы выражения отношения к реальной действительности. В дневниковой прозе писателей периода Великой Отечественной войны характерно наличие таких вставных сюжетов, как стихотворения в прозе, краткие рассказы, пейзажные зарисовки. Художник слова при этом соперничает, анализирует ситуацию, проживает свою жизнь. В. В. Федотова отмечает, что в дневниковой прозе есть два типа композиции: традиционная (последовательное фиксирование событий) и дискретная (бессвязные жанровые образования в дневнике, объединенные образом автора). В композиции дневника можно обнаружить лирические отступления, пейзажные зарисовки, рассуждения, различные документы [11, с. 50–53]. Исследователи при анализе дневниковой прозы периода Великой Отечественной войны не уделяли особого внимания рассмотрению таких специфических черт, как синтезу лирического и эпического; художественным выразительным средствам языка писателя, ведущего дневник на полях сражений. Восполнению этого пробела в литературоведческой науке посвящено данное частное исследование.

Наследие писателя В.В. Иванова находилось под пристальным рассмотрением исследователей. При этом анализировался литературный контекст, окружавший творчество автора (Бузник В.В., Грознова Н.А.). Исследовали уделяли особое внимание изучению стиля писателя, его фантастического реализма и романтических тенденций творчества (Иванова Л.И., Соловьева И., Эльяшевич А.П.). Изучению фантастического реализма писателя посвящено одно диссертационное исследование М.А. Черняк [12]. Собственно дневниковая проза как отдельный феномен не становилась до сих пор объектом пристального научного исследования.

Дневник В. В. Иванова полностью был впервые издан ИМЛИ РАН только в 2001 году. Первой попыткой опубликовать дневниковые опыты стали старания жены писателя, Т.В. Ивановой, в 1969 году. Переиздана книга была только в 1985 году. В данном собрании дневников писателя ИМЛИ РАН все дневники были опубликованы в соответствии с рукописным вариантом. Издателями отмечался специфический характер дневниковой прозы В. Иванова: в предисловии составители указали на то, что военные дневники писателя отличаются от документальной литературы того времени и «приобретают черты художественной прозы» [4, с. 2].

Свои дневники В.В. Иванов вел с 1924 года до самой смерти – 1963 года. Записи с 1924 года до конца 1930-х годов в основном разрозненные. С военного периода записи систематизируются. По словам издателей дневника писателя, они становятся похожими на «книжечки небольшого формата» [4, с. 5–15]. В 1942 и 1943 годах писатель делает записи каждый день; в этот период можно

встретить портреты современников и людей искусства, оценки прочитанным книгам.

Когда В.В. Иванова направили на фронт, ему не присвоили воинского звания, он был под Вязмой, Орлом, в Минске, Варшаве и в Берлине. Дневник писателя исповедален, он является его творческой лабораторией. Художник говорил о том, что ведет дневник для себя и хочет вести его во время войны. К.Г. Паустовский при анализе дневников отмечал их образность, простоту изложения и восприятия, откровенность и смелость авторских описаний. Дневники Иванова стали исповедью писателя, «не идущего на компромиссы и взыскательного к себе» [4, с. 3].

Дневники писателя по времени создания подразделяются на три этапа: первый – до начала войны (записи краткие, хаотичные, написаны карандашом вразброс), второй период – в Ташкенте и в Москве 1942–1943 года, (кульминационная часть). Мы анализируем как раз данный творческий период, в который автор выразил все свои волнения, переживания, передал яркую, незабываемую картину времени. Третий этап дневникового творчества составляют записи с 1946 по 1962 год.

В.В. Иванов дает яркую характеристику своим современникам:

«Вечером пришел Н. Никитин, – смирный, потерявший все свое нахальство былое и уверенность, голодный Андроников, сонный, и с жадностью евший хлеб, Б. Д. Михайлов в сапогах и брюках с наколенниками, рассказывавший, как пять суток шли две армии из окружения, как, спеша на спектакль группы вахтанговских актеров, его знакомый капитан наскочил на мину и взорвался» [4, с. 189].

«... приехал А. Мариенгоф. Вошел походкой уже мельтешащей, в костюмчике уже смятом, уже сгорбленный, вернее сутулящийся. Лицо красноватое, того момента, когда кожа начинает приобретать старческую окраску. Глаза сузились» [4, с. 215].

«Лохматый, оборванный, в калошах на босу ногу, в старенькой шляпе, надетой на грязные космы, к тому же еще прикрыты беретом, идет рядом с Шкловским некто старый, лицо в кровоподтеках, бледно-синий, половины зубов нету. – «Знакомьтесь, профессор Ильин» – Это учитель Кулешова и Эйзенштейна» [4, с. 284].

«Встречаю М. Шолохова. Ловкая шинель, золотые погоны, сытый, выбритый, с веселыми и беспечными глазами» [4, с. 296].

«Выступал рано по радио. Восторженный, восхищенный всем Орлов и важный, точно жующий ананас, А. Шварц» [4, с. 299].

Автор дневника детально останавливается не только на образах своих современников. Пейзажные зарисовки – неотъемлемая часть его повествования:

«Зеленая вода особенно хороша у горных крутых гладко отполированных подножий крутых

склонов и в другом месте – у желтых, кипящих золотом берез. <...> Желтые с красным персики, вся листва в персиковом цвете. Желтая трава. Светло-бурая пыльная дорога. Холодок с гор, похожих на занавески из рубчатого бархата. Гудит река. Но ее не видно. Берега из конгломератов. Хорошо!» [4, с. 148].

«Идем по безмолвной холодной дороге, идем быстро. Небо позади сиреневое, вода в каньоне, возле ущелья различных переливов темной стали. Хмуро и мрачно» [4, с. 151].

«Вижу, то лунные кратеры, то река, словно бы заледеневшая, хотя и знаешь, что льда нет, но все же не верю; то озера розовато-мутные, из застывшего стекла, то ниточки тропы, – ни жилья, ни дымка» [4, с. 173].

Москва изображается как *страшная, безмолвная*. Люди в городе изменились под гнетом беды, эти разрушительные последствия войны удручают, вызывают внутреннее неприятие писателя:

«Москва? Она странная, прибранная и такая осторожная, словно из стекла» [4, с. 181].

«Безмолвие города по-прежнему висит надо мной» [4, с. 195].

«Боже мой, смотришь на людей и кажется, что состарилась за один год на целое столетие вся страна. Состарилась, да кажется, не поумнела.» [4, с. 215].

«Вижу – боже ты мой, а ведь здание Библиотеки Ленина выше всех! Выше Университета, Кремля... И похоже оно на книгу, поставленную ребром и весьма запыленную и давно уже не читанную» [4, с. 278].

«Когда вышли на дорогу и стал виден город, тучи. Дымом на западе прикрывавшие солнце, чудовищно сильно покраснели. Краснота была такая, что даже пыль, поднятая возом на дороге, была красна, словно кровь, а тутовые деревья на берегу арыка похожи были на раны» [4, с. 103].

Особо большое внимание автор дневника уделяет творчеству писателей во время военных действий, метафорично подмечая тяжкую судьбу творческой личности, как и весь народ, ставшей заложником исторических событий, затянутой в страшный водоворот войны:

«Какая-то постыдная узда сковала наши губы и мы бормочем, не имея слова, мы, обладатели действительно великого языка: несчастная Россия» [4, с. 111].

«А там, в горах, я разговариваю с вечностью – правда очень скромным языком, но все же говорю, а ведь тут-то у меня кляп во рту, в литературе например редактора меня кромсают неслышанно! Я для них тот камень, из которого вырезают подделки. А, плевать!» [4, с. 138].

«Если б статьи мои были стружкой с большой доски, которую я для чего-то обстругивал большого, тогда, конечно, они нравились бы мне. А сейчас я остругиваю рубанком доску в одни только стружки» [4, с. 258].

«Грозная по значению передовая «Правды». И опять пошлость и тупость мысли! Словно в прозе Чехова, где грозный священник диктует отцу письмо его распущенному сыну, отец делает приписку домашнего свойства, которой уничтожается вся гроза письма» [4, с. 112].

Творчество А. Т. Твардовского было объектом активной научной рецепции в 70-90 гг. (Дементьев В.В., Кондратович А.И., Македонов А.В.). Исследователь В.М. Акаткин посвятил свою диссертацию деятельности А.Т. Твардовского в переходную эпоху (1925–1935 гг.) [1]. Под его редакцией был создан сборник научных работ, посвященный 90-летию со дня рождения А.Т. Твардовского в 2000 году, затем следует плодотворная работа над тремя книгами, опубликованными в Воронеже. Проблеме постижения взаимоотношений поэта и его эпохи посвящено диссертационное исследование Т.А. Снигиревой. Творческий путь писателя рассмотрен в литературоведении с разных позиций, однако, до сих пор в литературоведении не уделялось особого внимания дневниковой прозе писателя, в то время как дневниковые опыты периода Великой Отечественной войны – существенная часть творческого наследия великого писателя.

С июля 1941 года А.Т. Твардовский работает в редакции фронтовой газеты «Красная Армия», где ведет целую юмористическую страницу «Прямой наводкой». В это время он часто выезжает в действующую армию для создания очерков о войне и для того, чтобы собрать материал про солдат [7, с. 41–43]. Затем в 1943 году переводится в газету «Красноармейская правда», это связано с тем, что Смоленская область удерживалась Западным фронтом, в данной газете писатель работал до конца войны.

А.Т. Твардовский пишет свой дневник в спешке, однако, с большой внимательностью к событиям. Его подневные записи написаны непосредственно, лаконично, с большой долей лиризма (присутствие стихотворений, отрывков из поэм, недописанных песен), при этом характерно то, что принципиальным для А. Т. Твардовский является не просто процесс самораскрытия, а рассмотрение собственного я сквозь именно призму исторических событий.

Военная дневниковая проза А.Т. Твардовского – первозданный материал с событиями и переживаниями военного времени. Этим обусловлена эпичность дневниковых записей. Как отмечает И.Н. Карясова, «эпичность – пафос всеобщности воссоздаваемых событий как результат осознанного историзма взгляда, позволяющего писателю воспринимать и воспроизводить конкретную ситуацию войны в национально-историческом аспекте» [5, с. 12]. А.Т. Твардовский будучи участником событий в форме военного дневника отображает и подвергает внутреннему осмыслению события военного периода – эпохи исторического изменения жизни общества, жизни всей страны. Исследователь напрямую подчеркивает синтез

двух начал в дневниковой прозе писателя. По ее мнению, следует понимать повествование писателя как «лироэпическое» [5, с. 11], где субъективная лирическая составляющая сопрягается с пафосом всеобщности в историческом процессе.

В дневниковой прозе А.Т. Твардовского в период страшных военных действий, несмотря на тяготы судеб на фронтах, прямой линией отмечено использование лирического способа отражения видимого. Попытка выразить субъективные ощущения отражается в лирическом компоненте, воплощенном в стихотворной форме. Лирический образ – органичный и близкий для автора – позволяет выразить чувства выпукло и ярко, сохраняя присущую дневниковой форме непосредственность, и в то же время снимая необходимость логически осмыслить тот или иной факт действительности, вызвавший живой отклик в сердце. Соединение эпического и лирического начал – устойчивый признак художественного мышления А.Т. Твардовского.

«Умилт какое-то недомогание, не то усталость, но и к «горячему» не тянет, настроение – работать, вылезать из состояния некоторого душевного одичания, которое гнездились за долгие месяцы работы спешной, порой небрежной и всегда с чувством приноравливания себя к какому-то уровню требований.

Баллада о дезертире
...Позор и горе вместе.

.....
Такой безжалостный позор
Такое злое горе,
Что словно мгла на весь твой двор
И на твое подворье.

На всю родню твою вокруг,
На прадеда и деда,
На внука, если будет внук,
На друга и соседа.

И вновь и вновь услышишь ты
Хоть минут... годы,
Что сын твой трус – сбежал в кусты,
Страну родную предал.

.....
В тот самый час, когда она
Была в беде смертельной... [10, с. 88].

Попытка «откликнуться» на события под Сталинградом

У всякой силы Слава есть,
Но не у всякой силы честь.

И в горький час судьбы своей,
В тяжелый год родной России
Мы не сдались бесчестной силе,
Мы знали: честная сильнее...

И видно, немец, твой черед
Спешить назад, а не вперед...
... снимай-ка, немец, сапоги,

Давай-ка драпу по морозцу.
Мы сами шли толпой и в россыпь,
Мы сами бегали – беги.

Беги по зимнему пути,
Повыше полы подхвати.
На все железки жми, газуй,
А то – как ноги подломились,
Сдавайся, попросту на милость,
Двумя руками голосуй... [10, с. 137].

В дневнике А.Т. Твардовского можно проследить этапы становления его поэм, в них присутствуют отрывки из «Василия Теркина», «Дома у дороги». Под впечатлением рассказов солдат под окружением он пишет в дневнике «Балладу о солдате». Эти факты объясняются тем, что его дневники являлись одновременно рабочими тетрадями художника.

В дневнике писателя находит отражение самоотверженность людей в годы войны, их труд, мужество; восхищение этими людьми, осознания их боли, переживания:

«Старший сержант Костилов Митрофан Петрович донской казак, рабочий, красавец с очень мужественным лицом и нежной, застенчивой улыбкой» [10, с. 175].

«...бредут к обгорелым трубам, к пепелищам, к незажитому горю, которого многие из них еще целиком и не представляют себе, какое оно там ждет их» [10, с. 289].

Мы вслед за И.Н. Карясовой полагаем, что дневниковая проза А.Т. Твардовского является синтезом лирического и эпического; она – отражение его изобразительного стиля, при этом дневниковое повествование объемнее и многограннее традиционной военной тематики. Писатель дает панораму исторических событий, но его интересуют не только военные действия, а события в тылу: жизнь деревни, судьбы сирот и детей войны, жизнь простых людей с их печалью и радостями:

Гриша.

– Человек разоренной жизни (раскулаченный беженец и др.) потерял кисет с табаком.

– Эх, думаю, семью потерял, дом потерял и кисет потерял.

Он бредет и едет по дорогам

Разоренной жизни человек.

Стоит мальчонка у окошка

С губной немецкою гармошкой [10, с. 123].

На его глазах, в его маленькой детской жизни два раза взад-вперед прошла война, а он уже вроде и жалеет, что самое интересное уже позади. В школу не ходит, чем очень доволен. Колотит меньших, дудит на губной гармошке [9, с. 140].

Усмехнулся мой парнишка,

Залихватски посмотрел:

– вот он я – имею вышку –

Меру высиую – расстрел [10, с. 142].

Дневники Великой Отечественной войны исповедальны и искренни. В.В. Иванов и А.Т. Твар-

довский, находясь в окопах, беседуя с солдатами и командирами, изнутри ощущая ход войны, смогли зорко взглянуть в жизнь. Используя потенциал дневникового жанра, писатели сумели выразить настроение эпохи, создать яркое представление о жизни на войне. Достоверность изображаемого, синхронность фиксации событий в сочетании с лирическим способом выражения эмоционального отношения к ним обусловили специфический характер военных дневников великих писателей, определив их особое положение по отношению к традиционным эпическим, лирическим и лиро-эпическим жанрам, прерогативой которых являлось изображение исторической действительности.

Литература

1. Акаткин, В.М. А.Т. Твардовский и действительность переходной эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.М. Акаткин. – Свердловск, 1988. – 34 с.

2. Булдакова, Ю.В. Дневник писателя как феномен литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг.: типология и поэтика жанра: дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Булдакова. – Киров, 2010. – 189 с.

3. Волгин, Г.А. Самое заветное. Записные книжки писателей / Г.А. Волгин. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1974. – 187 с.

4. Иванов, В. Дневники / В. Иванов. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – 492 с.

5. Карясова, И.Н. Дневниковая проза в контексте поэтического творчества А.Т. Твардовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Н. Карясова. – М., 1989. – 23 с.

6. Кобрин, К.Р. Похвала дневнику / К.Р. Кобрин // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 3. – С. 288–295.

7. Кулинич, А.В. А. Твардовский: очерк жизни и творчества / А.В. Кулинич. – Киев: Изд-во при Киев. ун-те, 1988. – 176 с.

8. Никандрова, А.В. Издания дневников писателей 1990–2000-х годов (к вопросу о специфике жанра) / А.В. Никандрова. – Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 208–212.

9. Рудзиевская, С.В. Дневник писателя в контексте культуры XX века / С.В. Рудзиевская // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 12–19.

10. Твардовский, А.Т. Я в свою ходил атаку... Дневники. Письма. 1941–1945. – М.: Вагриус, 2005. – 397 с.

11. Федотова, В.В. Поэтика дневниковой прозы И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук / В.В. Федотова. – Казань, 2010. – 182 с.

12. Черняк, М.А. Романы Вс. Иванова «Кремль» и «У» в творческой эволюции писателя: дис. ... канд. филол. наук / М.А. Черняк. – СПб., 1994. – 221 с.

Поступила в редакцию 23 мая 2012 г.